

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра всеобщей истории

**Византия глазами западноевропейского рыцаря
(на материале «Завоевания Константинополя» Робера де Клари)**

АВТОРЕФЕРАТ МАГИСТЕРСКОЙ РАБОТЫ

студента 2 курса 262 группы
направления 46.04.01 «История», профиль «Интеллектуальная жизнь Запада:
от средних веков к современности»,
Института истории и международных отношений
Альсафи Ишрака Талиба Хамзы

Научный руководитель
д.и.н., профессор

_____

подпись, дата

Л.Н. Чернова

Зав. кафедрой
д.и.н., профессор

_____

подпись, дата

Л.Н. Чернова

Саратов 2017

Введение. Тема «Восток – Запад», проблема взаимодействия культур при одновременном стремлении к сохранению их идентичности сегодня является одной из наиболее актуальных благодаря расширяющемуся процессу глобализации. Эта тема является также частью относительно новой научной дисциплины – исторической имагологии, которая опирается на конкретно-исторический анализ культурных стереотипов, представлений народов друг о друге, путей их формирования, способов бытования и процессов трансформации в контексте отношений «мы – они», «свой – чужой»¹.

Интеграционные процессы конца XX – начала XXI вв., глобализация – с одной стороны, поиски национальной идентичности в рамках дихотомии «человечество» – «нация», коммуникативные задачи диалога культур – с другой, актуализируют поставленную проблему. Проблема диалога, преодоления стереотипов – одна из важнейших в современной культуре и политике.

В разные исторические времена понятия «иной» имело различные содержание. «Другой» мог рассматриваться как иноплеменник, иноверец, политический противник, представитель иной культуры или цивилизации². Граница между «своими» и «чужими» не является данной раз и навсегда, она текуча, она модифицируется от эпохи к эпохе, характер этой оппозиции под воздействием развития исторического процесса меняется³.

В Европе оппозиция «свои – чужие» возникает уже в античную эпоху («эллины – варвары»). На смену этой оппозиции в Средние века приходит противостояние «язычество – христианство».

Зарубежная историография проблематики представлена исследованиями, в которых изучается то, как в европейской культуре складывались и развивались образы мусульманских стран, представления европейцев о Востоке. В связи с

---

¹ Репина Л.П. Диалог культур в контексте истории и в историческом познании // Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 251.

² Лучицкая С.И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001. С. 5.

³ Кардини Ф. Европа и ислам: история непонимания / пер. с итал. СПб., 2007. С. 12; Лучицкая С.И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. С. 6.

этим следует назвать работы У. Монтгомери Уотта⁴, Б. Луиса⁵, Ф. Кардини⁶, в которых исследуется многообразие аспектов взаимодействия Европы и ислама.

В отечественной историографии также рассматривались вопросы взаимовосприятия культур и складывания у одних народов представлений о других. В 70–80-е гг. XX в. появляются первые яркие работы по воспроизведению отдельных образов «Другого»⁷. Таким образом, предпринимается комплексная попытка исторического осмысления обозначенной проблематики.

Из всего многообразия проблем, связанных с образом «Другого», нас будет интересовать восприятие западноевропейским рыцарем Византии эпохи IV Крестового похода (1202–1204), проекция данного образа на сознание человека, принадлежащего к иной культурной традиции. Обращение к IV Крестовому походу вполне оправдано. Четвертый Крестовый поход – одно из самых противоречивых событий в средневековой истории. Воины Христа, которые отправлялись на завоевание Египта и Святой земли, направили свое оружие на своих единоверцев, осаждали христианские города и разграбили Константинополь. Этот поход стал первым, в котором политическое начало столь явно преваляло над религиозным⁸.

Данный сюжет не принадлежит к числу хорошо исследованных. В целом, литературу, привлеченную в ходе нашего исследования, можно условно разделить на несколько групп по проблемному принципу. При разработке данной темы были привлечены, прежде всего, работы по истории Византии⁹. Большой

---

⁴ Монтгомери Уотт У. Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976.

⁵ Луис Б. Ислам и Запад. М., 2002.

⁶ Кардини Ф. Европа и ислам: история непонимания.

⁷ Давидсон А.Б., Макрушин В.А. Образ далекой страны. М., 1975; Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М., 1982; Одиссей: Человек в истории. 1993: Образ «Другого» в культуре. М., 1994.

⁸ Бармин А. В. Четвертый крестовый поход: некоторые итоги изучения // Византийский временник. 2009. Т. 68 (93). С. 152–164.

⁹ *Urbs Capta. The Fourth Crusade and its Consequences. La IVe Croisade et ses conséquences (Réalités byzantines, 10)* / ed. A. Laiou. P., 2005. P. 56–561; Васильев А. А. История Византийской империи: в 2 т. Т. 2: Время от крестовых походов до падения Константинополя (1081–1453). СПб., 1998; он же. История Византийской империи / пер. с англ. А. Г. Грушевой. СПб., 2000; Юзбашян К. Н. Классовая борьба в Византии в 1180–1204 гг. и Четвертый крестовый поход. Ереван, 1957; Литаврин Г. Г. Как жили византийцы. СПб., 1999. (Первое издание: 1974 г.); Ченцова В.Г. Константинополь глазами западноевропейцев // Город в средневековой цивилизации Западной Европы: в 4 т. / отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 2000. Т. 4. С. 299–305; Дашков С. Б. Императоры Византии. М., 1996; Литаврин Г.Г., Гладков А.К.

блок привлекаемой научной литературы посвящен истории крестовых походов, в том числе – IV Крестовому походу¹⁰.

Такое резонансное событие, каковым стал Четвертый Крестовый поход, не могло не найти отклик у современников. Источниковую базу данного исследования составили мемуары французского рыцаря Робера де Клари¹¹, который оказался в рассматриваемый период в Византии. Помимо воспоминаний Робера де Клари, иногда мы обращались к свидетельствам, содержащимся в мемуарах другого участника IV Крестового похода Жоффруа де Виллардуэна¹², что позволило «оттенить» взгляды и оценки де Клари. В качестве дополнительно источника также использован «Договор предводителей крестоносцев с Венецией о перевозе в Святую землю (апрель 1201 г.)»¹³.

В данной работе ставится следующая *цель*: на основе мемуаров западноевропейского рыцаря Робера де Клари изучить его представления о Византии рубежа

Византия эпохи Македонской династии и Комнинов // Всемирная история: в 6 т. Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока / отв. ред. П. Ю. Уваров. М., 2012. С. 358–371; *Литаврин Г.Г., Гладков А.К.* Закат Византии (XIII–XIV века) // Там же. С. 564–580.

¹⁰ *Мишо Ж.-Ф.* История крестовых походов. М., 2005; *Куглер Б.* История крестовых походов. Ростов н/Д., 1995. (СПб., 1895); История Крестовых походов / под ред. Дж. Райли-Смита. М., 1998; *Филипп Д.* Четвертый крестовый поход: Что заставило европейских рыцарей разграбить Константинополь? М., 2010; *Перну Р.* Крестоносцы. СПб., 2001; *Кенигсбергер Г.* Средневековая Европа. 400-1500 годы. М., 2003; *Морисон С.* Крестоносцы. М., 2003; *Urbs Capta. The Fourth Crusade and its Consequences. La IVe Croisade et ses conséquences (Réalités byzantines, 10).* 371 p.; *Федоров-Давыдов А.А.* Крестовые походы. Историческая хроника. М., 1905; *Успенский Ф.И.* История крестовых походов. М., 2005; *Васильев А.А.* История Византийской империи: в 2 т. Т. 2: Время от крестовых походов до падения Константинополя (1081–1453); *Заборов М.А.* Крестовые походы. М., 1956; *он же.* Папство и Крестовые походы. М., 1960; *он же.* Крестоносцы на Востоке. М., 1980; *он же.* История крестовых походов в документах и материалах. М., 1977; *он же.* «Завоевание Константинополя» Жоффруа де Виллардуэна и историческая мысль средневековья // *Жоффруа де Виллардуэн.* Завоевание Константинополя. М., 1993. С. 128–218; *он же.* Робер де Клари и его хроника как памятник исторической мысли средневековья // *Робер де Клари.* Завоевание Константинополя. М., 1986. С. 81–122; *Доманин А.* Крестовые походы. Под сенью креста. М., 2003; Византия, общество и церковь. Сб. науч. ст. Армавир, 2005. 291 с.; *Бармин А.В.* Крестоносцы в Константинополе. М., 2006; *Монусова Е.* История крестовых походов. СПб., 2010; *Лучицкая С.И.* Крестовые походы // Всемирная история: в 6 т. Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока / отв. ред. П. Ю. Уваров. М., 2012. С. 467–483; *Шишкин А.А.* События IV Крестового похода в оценке его участников // Молодой учёный. Ежемесячный научный журнал. 2013. № 7 (54). Т. 3. С. 333–337; *Смирнов А.Г.* Роль религиозного сознания в идеологических установках и жизненной практике рыцарей Четвертого крестового похода // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия: История и политология. 2015. № 1. С. 37–47.

¹¹ *Робер де Клари.* Завоевание Константинополя / пер., статья и коммент. М. А. Заборова. М., 1986.

¹² *Жоффруа де Виллардуэн.* Завоевание Константинополя / пер., статья и коммент. М. А. Заборова.

¹³ Договор предводителей крестоносцев с Венецией о перевозе в Святую землю (апрель 1201 г.) // *Заборов М.А.* История крестовых походов в документах и материалах. С. 169–173. URL: http://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Kreuzzug/XIII/1200-1220/Vertrag_1201/text.htm (дата обращения: 15.11.2016).

XII–XIII вв. Для реализации поставленной цели необходимо решить ряд взаимосвязанных *задач*:

- систематизировать биографические сведения о Робере де Клари в их социально-историческом контексте
- охарактеризовать культурный мир и духовный облик хрониста;
- воссоздать событийную канву, связанную с подготовкой и особенностями IV Крестового похода, в оценках исследователей и в представлениях Робера де Клари;
- установить, как мелкий французский рыцарь оценивал политическую историю Византии на рубеже XII–XIII вв.;
- показать, каким увидел Константинополь мелкий западноевропейский рыцарь, и как оценивал поведение в этом городе крестоносного войска.

Цель и задачи определили структуру выпускной квалификационной работы, которая состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Основное содержание работы. В главе 1 «Робер де Клари и его время» рассматривается жизненный путь и исторический менталитет Робера де Клари.

О жизни Робера де Клари и обстоятельствах написания его труда практически ничего не известно. Тем не менее, сохранившиеся скудные сведения позволяют судить о хронисте в контексте социальной истории Пикардии на рубеже XII–XIII вв. Робер де Клари принадлежал к мелкопоместному феодальному семейству, которое лишь незадолго до описываемых в его хронике событий приобрело благородный титул и феод и стало именоваться «де Клари». Подобные малоимущие рыцари как раз и составляли большую часть крестоносного войска.

Что касается участия Робера де Клари в Четвертом Крестовом походе, то точно не известно, когда он решился на заморскую авантюру. Но, скорее всего, вместе со своим сюзереном Пьером Амьенским не раньше мая 1202 г.; в июле 1203 г. он участвовал в нападении на Константинополь. Во время второго

штурма Константинополя в апреле 1204 г. Робер де Клари бился в небольшом отряде рыцарей, под предводительством его сеньора Пьера Амьенского.

Насколько скудно мы осведомлены о жизненном пути Робера де Клари, настолько же бедны и данные о его культурном кругозоре, об источниках, из которых он черпал материалы для своей хроники.

Духовный облик Робера де Клари дополняет тот факт, что он излагает события на разговорном языке, и в этом отношении его хроника является одним из самых ранних во французской литературе прозаических повествований такого рода. Хроника Робера де Клари – первый историко-литературный труд, созданный на пикардийском диалекте.

Чрезвычайно существенная черта духовного и культурного облика хрониста – его наблюдательность, острота социального зрения. Робер де Клари отчетливо видит различия в общественном положении участников Крестового похода.

Робер де Клари, несомненно, обнаруживает яркие способности рассказчика. Он стремится увлечь свою аудиторию, сделать рассказ понятным и интересным, придать ему драматизм и правдоподобие.

Отметим еще одну особенность исторического менталитета и повествовательной манеры Робера де Клари – его несомненное пристрастие к описаниям удивительного и великолепного.

Неизбежно возникает вопрос о побудительных мотивах, заставивших рядового, полуграмотного или вовсе не грамотного участника рыцарской авантюры поведать современникам и потомкам ее историю.

В заключение своих мемуаров Робер де Клари счел необходимым продиктовать писцу фразу о том, что слушатели и читатели «слышали правду, как был завоеван Константинополь». И хотя многие «добрые рассказчики смогли изложить все это лучше него», но его труд имеет то неоспоримое, как он считает, преимущество перед прочими, что в нем «во всем» передана «подлинная правда», пусть кое-что и пропущено, поскольку он просто не смог всего вспомнить.

Анализ хроники позволяет понять замысел хрониста в его социально-политической обусловленности, определить существо исторической концепции Робера де Клари. Ясно, что Клари (как и Виллардуэн) является носителем и, возможно, создателем особого взгляда на историю, получившего в историографии название «теории случайностей». Перед нами – переплетение причин и следствий, обусловившее в изображении Робера де Клари завоевание Византии и создание Латинской империи. Это – цепь внутренне не связанных друг с другом обстоятельств, перед лицом которых крестоносцам нельзя было «устоять», цепь, замкнувшаяся на захвате ими византийской столицы. Робер де Клари, возможно, не отдавал себе отчета в том, что концепция, содержащаяся в его изложении событий и сводившая все извивы похода к нагромождению неожиданностей, означала апологию крестоносной авантюры, панегирическое освещение крестового похода.

Через рассказ Робера де Клари красной нитью проходит еще одна важная идея, раскрывающая социальные истоки, социальный смысл и направленность «Завоевания Константинополя». Хроника эта – панегирик рядовому рыцарству. Пикардиец воспекает деяния простых рыцарей. Все повествование Робера де Клари ведется как бы от имени этих, в конечном счете, обделенных добычей, обманутых, ущемленных в своих притязаниях простых *chevaliers*, рассчитывавших не на жалкие подачки *give hommae* и не на крохи от завоеванного в Константинополе «добра», а на нечто гораздо большее. «Правда», которую хочет поведать и передает Робер де Клари, – это правда об «обиде», нанесенной знатью рыцарям.

Рассказывая об истории подготовки и организации IV Крестового похода, Робер де Клари подводит читателей к мысли о том, что крестоносцы просто стали «жертвами» случайных обстоятельств, которые привели их к разграблению Константинополя.

На самом деле отклонение маршрута IV Крестового похода было вызвано совокупностью противоречий между Византией и Западом, которые сложились в конце XI–XII вв. Папство мечтало о подчинении греков-схизматиков римской

курии. Венеция добивалась безраздельного торгового господства, стремилась вытеснить из Византии конкурентов – Геную и Пизу. Немецкий двор издавна строил планы политического господства на Востоке. Для массы феодального рыцарства, наконец, выгоды, связанные с завоеванием Византии, казались несравненно реальнее, чем пресловутое освобождение Святой земли. Совокупность этих факторов и привела к «неожиданному» исходу похода¹⁴.

В главе 2 «Робер де Клари о политической жизни Византии конца XII – начала XIII вв.» показано, что в хронике Робера де Клари, помимо самого описания IV Крестового похода, большое место занимают экскурсы в политическую историю Византийской империи со времён Мануила I Комнина и до свержения Исаака II Ангела в 1195 г. Из хроники явственно видно, что в XII – начале XIII вв. что Византия находилась в глубоком политическом кризисе, императорская власть только номинально передавалась по наследству от отца к сыну, на самом же деле власть переходила от одного императора к другому вследствие политических заговоров и при поддержке народных масс.

Но весь византийский экскурс в записках Робера де Клари, сколь бы ни была относительна здесь степень достоверности, нацелен по существу на то, чтобы оправдать вторжение крестоносцев в константинопольскую землю.

В главе 3 «Робер де Клари о Константинополе» выявляется восприятие крестоносцем Константинополя и поведения «христовых воинов» в столице Византии.

В своем произведении хронист рассказывает не только о храмах и дворцах, но и о более мелких памятниках архитектуры. Интересно, что Робер де Клари перечисляет только императорские дворцы, церкви, монастыри, ворота, площади, места развлечений, словом то, что составляло контраст привычному для пикардийца скромному антуражу. Робер де Клари описывает лишь главные магистрали и здания в восточной части города, залив Золотой Рог, где возвышался новый императорский дворец, воздвигнутый при Комнинах, стояли просторные

---

¹⁴ Юзбашиян К.Н. Внешнеполитическое положение империи в первой половине и середине XII века // История Византии / под ред. С.Д. Сказкина. М., 1967. Т. II. С. 344.

и пышные дома богачей, где сосредоточены были десятки церквей, включая величественный храм св. Софии. Робер де Клари был изумлен, прежде всего, византийской роскошью, обилием золота, великолепием мозаик, громадностью общественных сооружений. В описаниях красот Константинополя и их подробностей очень многое воспроизведено с большой точностью.

13 апреля 1204 г. Константинополь пал. Впоследствии Робер де Клари, как и многие другие хронисты, старался всячески смягчить картину разгрома христианского города. И неудивительно, что Робер де Клари выгораживает рыцарей: ведь он сам был рыцарем-крестоносцем, и ему самому были во многом присущи эти черты. Такое миропонимание объясняется спецификой воззрений раннего и классического средневековья на войну и мир. Война была оправдана и справедлива, если она велась во славу Божью и под эгидой Бога. Согласно этой доктрине, каждый христианин оказывается воином Христовым, обязанным воевать ради защиты «слабых», отмщения вершителям зла и расширения территории истинной веры. Подобные взгляды на войну явственно просматриваются на примере крестовых походов.

Образование на землях Византии Латинской империи имело большое психологическое значение для католического мира. Древняя империя ромеев, теперь вошедшая в западноевропейский политико-религиозный универсум, позволила как самим участникам похода, так и папству позитивно интерпретировать итоги похода в религиозном плане.

Заключение. История IV Крестового похода (1202–1204) дает обильный материал для изучения актуальной в современных условиях глобализации проблемы восприятия «Другого», формирования образа «Чужого» в более широком контексте взаимодействия культур.

IV Крестовый поход занимает особое место в крестоносном движении на Восток. Западноевропейские рыцари, эти Воины Христовы, отправлявшиеся на освобождение Святой земли, обратили свое оружие против единоверцев, осаждали христианские города и разграбили Константинополь. Взятие византийской

столицы крестоносцами в 1204 г. стало важнейшим событием всей европейской истории.

Мы обратились к исследованию восприятия Византии западноевропейским рыцарем эпохи IV Крестового похода. Основным источником исследования стали мемуары французского, пикардийского, рыцаря Робера де Клари, который оказался в рассматриваемый период в Византии.

Культурный мир и духовный облик пикардийского хрониста – облик мелкого рыцаря Северной Франции, непосредственно отразившийся на его произведении. Мемуары Робера де Клари – это первое в латинской хронографии повествование, которое создано автором-рыцарем, не получившим сколько-нибудь серьезных по тем временам теологических и литературных знаний, не приобретшим обязательных для тогдашней образованности навыков историописания. Очевидно, именно с этим связано приглушенное звучание в хронике религиозных, провиденциалистских мотивов. Они пробиваются сквозь «мирскую» ткань произведения только в тех местах, где речь идет о наиболее драматичных событиях, которые Робер де Клари может уяснить, лишь допустив вмешательство Всевышнего. В целом, его повествование имеет ярко выраженную мирскую окраску. Основу его исторического повествования составляют поступки людей, обусловленные земными причинами (честолюбием и властолюбием, алчностью, жестокостью, любовью, дружескими привязанностями или антипатиями, жадной возмездия, мудростью или глупостью, хитростью и коварством, простодушием и т.д.). В большинстве поворотных для судеб IV Крестового похода событий решающим фактором оказывается просто случай. Клари является носителем взгляда на историю, известного в историографии как «теория случайностей». Перед читателем и исследователем – переплетение причин и следствий, обусловившее в изображении Робера де Клари завоевание Византии и создание Латинской империи; цепь внутренне не связанных друг с другом обстоятельств, перед лицом которых крестоносцы не могли устоять. Фактически Робер де Клари, сводя все перипетии похода к нагромождению неожиданностей, создал апологию, панегирик Крестового похода.

Уже история подготовки и организации IV Крестового похода предстает у Робера де Клари как сцепление множества разрозненных, случайных причин, коренившихся в превратностях происходящего. Робер де Клари фактически подводит читателя к мысли о том, что крестоносцы стали «жертвами» случайных обстоятельств, которые привели их к разграблению Константинополя. Хотя на самом деле отклонение маршрута IV Крестового похода было вызвано комплексом противоречий между Византией и Западом, сложившихся в конце XI–XII вв.

В хронике Робера де Клари значительное место занимают экскурсы в политическую историю Византийской империи со времён Мануила I Комнина и до свержения Исаака II Ангела в 1195 г., которое произошло тоже вследствие переплетения случайностей и, в конечном счете, из-за оплошности самого Кирсака (Исаака II). Такие же случайные, непредсказуемые события продолжали обрушиваться на крестоносцев и после подписания соглашения с византийским наследником. В результате они силой обстоятельств были вынуждены захватить Константинополь. Таким образом, весь византийский экскурс в записках Робера де Клари нацелен на то, чтобы оправдать вторжение крестоносцев в Византию и в Константинополь.

Вместе с тем, этот простой рыцарь посчитал чудом захват такой великой державы, какой была в его представлении империя греков. Рядовой рыцарь, живущий по законам чести, именуется практически всех персонажей политической жизни Византии конца XII – начала XIII вв. и всех ромеев вместе взятых предателями и трусами. Он, преданный и верный рыцарь своего сюзерена, не в состоянии понять, как можно предать и убить своего сеньора, как можно с превосходящими силами отступить с поля боя.

Робер де Клари впечатлителен, непосредствен, экспансивен, он не в силах «упрятать» свои эмоции в «кольчугу» литературно отделанных фраз, он демонстрирует несомненное пристрастие к описаниям удивительного и великолепного. И в этом отношении показательно описание им византийской столицы. Робер де Клари был изумлен, прежде всего, роскошью, обилием золота, ве-

ликолепием мозаик, масштабностью общественных сооружений. С восхищением он описывает увиденные им в Константинополе храмы и находившиеся в них реликвии.

И все это великолепие подверглось жестокому разграблению крестоносцами. Хотя, надо отметить, такое поведение было в целом обычно для практики войн в Средневековье, а в рыцарской ценностной ориентации трофеи считались законным способом обретения богатства. Традиционный для воинского сословия обычай разграбления города изначально дезавуировал религиозные идеи. В таком случае и реликвии расценивались как легитимная добыча. Перемещение же на Запад объектов религиозного почитания интерпретировалось католиками как возвращение святынь в лоно истинной, католической церкви.

Робер де Клари, как и многие другие хронисты, старался всячески смягчить картину разгрома христианского города рыцарями-крестоносцами: ведь он сам принадлежал к их числу. В целом его хроника – это панегирик рядовому рыцарству. Пикардиец воспевает деяния простых рыцарей, которых в походе постигло жестокое разочарование, поскольку они стали жертвой корыстолюбия, высокомерия, политических интриг своих вождей – знатных сеньоров и венецианского дожа. Робер де Клари не скрывает пережитого им разочарования от бесплодного, с точки зрения людей его круга, участия в этой аванюре, обернувшейся для массы рыцарей крахом всех их надежд на обогащение.